

Элина Бэйли

ПРЕДАТЕЛЬ

Я тебя отпускаю

Элина Бэйли

Предатель. Я отпускаю тебя

<https://litres.ru/74007713>

SelfPub; 2026

Аннотация

А ты красивая, страдания придают тебе определенный шарм, - муж пытается взять меня за руку, но я одергиваю его.

- Гош, я думаю, тебе на стороне будет лучше. Уходи, - каждое мое слово выверено, нет никаких эмоций.

- Я не хочу с тобой воевать, - говорит он. - Я хочу, чтобы мы поговорили.

- Ты думаешь, я хочу с тобой обсуждать, с кем ты спал? - спрашиваю я. - Что ты собираешься мне сказать?

- Алэн, не скажу. И отпираться не буду, да, у меня есть маленькая слабость, но тебе-то что? И встречаться дальше с ней буду, ты же сама говорила, что хочешь, чтобы я был счастлив, вот она и делает меня счастливым.

Предатели и лгуны будут наказаны.

Для героини хэ обязательен.

Содержание

1	4
2	9
3	14
4	19
5	24
6	29
7	34
8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Элина Бэйли Предатель. Я отпускаю тебя

1

- Слушай, долечу - сразу тебе напишу. Звонить не буду, сама понимаешь, из-за разницы во времени, это не самая лучшая идея. Проснешься, потом созвонимся.

Я сижу на краю кровати, слушаю его голос, смотрю, как муж уже профессионально собирает чемодан, он аккуратно складывает вещи. И даже в эти моменты он чертовски привлекательный.

Он уже почти застегивает чемодан, обращает внимание на белую рубашку. Он всегда был аккуратным.

- Алэн, это же не первая командировка. Пора уже привыкнуть, что твой муж - штучный специалист, - усмехается он, как будто это объясняло все. - Она уже помялась, может, отпарить?

- Гош, я все равно не сплю. Мне же надо убедиться, что с тобой все нормально, - беру его рубашку, аккуратно отпариваю и складываю в чемодан.

- Возьми меня с собой в следующий раз. В школе как раз

каникулы, я буду в отпуске. А то ты путешествуешь по стране, а я на месте, как клуша сижу.

- Так купи тур и поезжай, - он смотрит на меня с этой своей усталой уверенностью. - Я же не отдыхать, а на работу еду. Сама понимаешь, даже самая крутая гостиница - это не дом, и чем дальше от столицы, тем представление о комфорте все хуже и хуже. И когда ты в номере один, все равно, как он выглядит: ночью приехал, лег спать, утром проснулся и побежал дальше.

Он замолчал, потом добавил, как будто это что-то решало.

- К тебе мама на обед заедет. Приготовь что-нибудь вкусное.

Понятно. Разговор окончен. Как обычно.

Ну ничего, может, свекровь удастся на свою сторону смазать. Хотя честно, мне бы самой хотелось, чтобы кто-то приготовил мне что-то вкусное.

Заглядываю в холодильник. Остатки вчерашнего плова, уставшая зелень, несколько яиц и банка с каким-то непонятным мне наполнением: или каперсы, или анчоусы. Да уж, с таким набором продуктов, я могу только чай предложить.

- Гош, а ты уже совсем опаздываешь?

Он кивает.

- Ладно, сама справлюсь, - вздыхаю. Я обычно не даю жалость, сама умею справляться с бытовыми трудностями. Но сегодня хочется чуть больше внимания. И заботы.

В последнее время мне не хватало его внимания. Не толь-

ко по мелочи - вовремя починить кран или забрать обувь из мастерской. В постельных делах тоже все ломается. То он устал, то ему хочется разнообразия, а у меня куча комплексов. Да, я люблю секс в темноте и под одеялом. Как иначе я могу расслабиться, если постоянно думаю, не слишком ли большие бока, а в этой позе не будет ли виден живот?

- Я опаздываю, но для быстрой любви минутка всегда найдется. Только давай без прелюдий - некогда уже.

Как же я не люблю это давай по-быстрому. Мне нужно время, чтобы отключить голову от бытовых вопросов. Чтобы почувствовать, что мы вместе. Чтобы забыть, что я устала, что завтра уроки, что надо заплатить за квартиру.

- Гош

- Ну, начинается. Ладно, жена, я поехал. Храни мне верность. Скучай. Жди с белым платочком у окошка.

Эту фразу он всегда говорил на пороге. Словно шутка, а на самом деле - проверка. Будто я должна была сидеть и ждать, как какая-то невеста из старого романа.

Проводила его до машины. Все равно магазин по пути. Стою, смотрю, как он уезжает. Уже вечер. Свет фар оставляет следы на асфальте. Он машет, я тоже. хотя мне хотелось просто обнять его крепко. Удержать.

Дома набрала свекровь.

- Юлия Андреевна, у вас какие планы? Георгий сказал, вы в гости заедете.

При ней всегда называла мужа полным именем, она не лю-

бит, когда сокращают.

- Ален, не заеду. У нас по Золотому кольцу автобусный тур. Поехала с подругами.

Мысленно поблагодарила Вселенную. Не надо будет заморачиваться с готовкой. Сделала себе большой стакан чая, пошла к компьютеру. «Методология и методика преподавания» ждали меня уже третий день. Все никак не могла дописать конспект, учителя тоже люди, но никто не спрашивает, как мы себя чувствуем.

Смотрю на часы, открываю табло вылетов. Гошкин рейс задерживается на три часа. Ну вот, снова глубокой ночью прилетит, весь уставший. Моя забота о муже, как базовая потребность. Если бы был ребенок, я бы была самой лучшей мамой. Но Гошка пока не хочет детей. Он сосредоточен на карьере. И я его понимаю. Как он потом без сна по объектам ездить будет?

Набираю ему. Гудок идет. Наконец, берет трубку.

- Ален, у тебя прям чуйка. Я уже на посадку в очереди стою, здесь столько людей.

Странно. Может, я не тот рейс посмотрела? Почему тогда такая тишина вокруг? Ни самолетного гула, ни голосов за кадром. Только его голос. И вдруг - женский:

- И она, и это схавает.

Четко. Отчётливо. Как будто рядом. Все внутри екнуло. Я сбрасываю звонок. И перезваниваю. Не по голосу. По ви-

деосвязи.

- Ален, что-то прервалось. Наверное, в аэропорту глушилки стоят, - говорит он, но я уже не слушаю..

Экран мигает. Изображение появляется медленно. Сначала потолок. Потом его лицо - испуганное, растерянное. Он явно не ждал, что я позвоню. Он резко повернул телефон. Картинка мелькнула, как будто он пытался что-то скрыть. Но я успела увидеть.

Комната. Не аэропорт. Не зал ожидания. Это была спальня, скорее всего гостиничный номер. Стены с темно-серыми обоями, на которых бледно-золотистыми вензелями вились узоры. Массивная деревянная кровать с высокой спинкой. Белая простыня свисает на пол. На спинке стула - что-то похожее на халат. И на полу женские туфли. Черные. Тонкие. На высоком каблуке.

И тут он повернулся к камере. Я увидела его. А рядом е.

Она лежит, полусидя, прикрывшись белым покрывалом до груди. Волосы растрепаны. Губы блестят.

Она замечает, что я вижу ее. И замирает.

Я тоже замерла.

Мир сжимается в маленький квадрат экрана. Там - мой муж. Там - она. Там - моя жизнь, разваливающаяся на глазах.

2

Звонок обрывается. Резко. Как будто кто-то выдергивает вилку из розетки. Экран гаснет. И я остаюсь одна.

Сажу с телефоном в руках. Смотрю на него, как будто он может снова ожить и всё отменить. Как будто это был сон. Ошибочный кадр. Случайность.

Но я знаю, это неслучайность, моя новая реальность.

В голове до сих пор крутится картинка: вижу его лицо, как он пытается спрятать экран. Вижу, как она замерла рядом.

И тут меня накрывает. Волна. Боль. Предательство. Я сжимаю телефон так, что пальцы побелели. Потом чувствую, как по щекам текут слезы.

Он мне врет. Давно, наверное, не впервые.

Я вспоминаю все его командировки. Все эти поздние встречи, ночные перелеты, усталость, «некогда на романтику». Вспоминаю, как он стал реже отвечать на сообщения.

Сколько раз он был с ней? Каждый раз, когда уезжал? Или только иногда? Или это только начало? Неужели всё это время всё это время

Закрываю глаза. Хотела закричать. Но не могу. Только плачу. И плачу. И плачу.

Проходит час, кажется, я за это время и не пошевелилась. Слышу, как в замочную скважину входит ключ.

Я не жду его так рано. Когда я открываю, он стоит в пальто, с чемоданом в руке. И улыбается уголками губ. Как будто просто зашел на минуту.

- Привет, - говорит он. - Командировка отменяется. Я решил, что все можно решить онлайн. Я подумал, домой поеду, вдруг тебе нужна поддержка.

Говорит тихо и спокойно, как будто я заболела простудой, а он просит померить температуру.

Я смотрю на него. На его лицо. На его глаза. И не узнаю.

- Заходи, - говорю я. - Собирай вещи и уходи, ты теперь свободен. Можешь мчаться к своей блондинке.

Он замирает. Улыбка сходит с его лица. Он кладет чемодан на пол.

- Алена - начинает он.

- Не надо, - перебиваю я. - Я всё видела. Когда ты включил видео. Я все видела. Она была рядом. Вы лежали в постели. Ты пытался скрыть, но не успел.

Он опускает взгляд. Не отрицает. Не говорит, что это не то, что я думаю, или я неправильно все поняла.

Просто молчит.

- Сколько раз были липовые командировки? - спрашиваю я. - Сколько раз ты был с ней? Каждый раз, когда уезжал? Или только иногда? Все внутри горит, но держусь из последних сил. Гошка всегда был немного манипулятором, надавить на нужные точки, чтобы вызвать у меня слезы - проще простого. Но не сегодня, я теперь кремь! - Это не было не

всегда, - наконец отвечает он. - Мы это началось не так давно. Я не хотел, чтобы ты узнала так. Я люблю вас обеих.

Гошка поднимает глаза, странно, но я не вижу в них никакой вины или сочувствия, он уверен, что все сделал правильно.

Он хочет поцеловать меня, но я не двигаюсь. Просто смотрю в глаза человеку, который лжет мне, даже когда любит.

Он не отводит взгляд. Его пальцы все еще на моей шее, его губы так и не коснулись моих. Он ждет реакции. Хотел бы, чтобы я расслабилась, захотела его, забыла обо всем.

- А ты красивая, страдания придают тебе определенный шарм, - пытается взять меня за руку, но я одергиваю ее.

Все внутри дрожит, ногти впиваются в ладони. Жизнь меня к такому не готовила, я была уверена в муже. Я бы скорее поверила, что земной шар с орбиты сойдет, чем муж меня обманет и предаст.

- Гош, я думаю, тебе на стороне будет лучше. Уходи, - каждое мое слово выверено, нет никаких эмоций.

Он вздыхает. Проходит к шкафу. Достает полотенце.

- Я пойду приму душ, - говорит он, будто мы говорим о погоде. - А потом мы с тобой все обсудим.

- Уходи, - говорю я. - Возьми чемодан и уходи. Я не хочу тебя видеть. Не хочу с тобой разговаривать, мне противно дышать с тобой одним воздухом.

- Алена, подожди - начинает он.

- Нет, - шиплю в ответ. - Я уже слишком долго ждала. Ты

уже нашел место, где тебе рады вот и иди.

Он встает. Медленно. Смотрит на меня, кажется, хочет что-то сказать, но не говорит.

Просто уходит.

Я закрываю дверь. Запираю. И только тогда позволяю себе упасть. Прямо на пол.

И плачу. Долго. Тяжело. Так, как будто внутри все разрушается, все мои планы и мечты разрушены, как замок из песка.

Начало моей жизни без него.

Пока я сижу на полу, слышу, как ключ снова поворачивается в замке. Дверь открывается. Он возвращается.

- Ты что, не поняла? - говорит он, входя. - Я не уйду.

- Что? - я поднимаюсь, вытираю лицо рукой.

- Я сказал - это и мой дом тоже. И никуда я не пойду. Это моя квартира. Моя жизнь. И я не позволю тебе просто вычеркнуть меня из нее из-за одной случайной ошибки.

- Ошибки? - повторяю я, и в груди что-то рвётся. - Ты лег с другой женщиной в постель. А я это видела. Своими глазами. Это не ошибка. Это выбор.

- Я не хочу с тобой воевать, - говорит он. - Я хочу, чтобы мы поговорили. Нормально. Сядем. Выпьем чай. Обсудим всё.

- Ты думаешь, я хочу с тобой обсуждать, с кем ты спал? - спрашиваю я., из последних сил держу себя в руках, чтобы не дать ему по башке. - Что ты собираешься мне сказать? Что ты

ее больше не увидишь? Что это больше не повторится? Что я должна тебе простить? Да ты сам не знаешь чего хочешь, Георгий!

- Аллен, не скажу. И отпираться не буду, да, у меня есть маленькая слабость, но тебе-то что? И встречаться дальше буду, ты же сама говорила что хочешь, чтобы я был счастлив, вот она и делает меня счастливым.

Он смотрит на меня, и в его глазах не вина, издевка, злость, упрямство. Словно я нарушила правила, которые он сам для нас придумал.

Комната кажется слишком маленькой. Темная, с опущенными шторами. На диване плед, в который мы укрывались по вечерам. Все это вдруг становится чужим. Как будто даже мебель перестала быть частью нашей жизни.

- Я не уйду, - повторяет он. - Пока мы не поговорим.

- Тогда я уйду, - отвечаю я. - Сейчас соберу вещи и уйду.

Потому что не могу быть в одном доме с человеком, которому больше не доверяю.

3

Алена

Я смотрю на него. Он стоит у двери, все еще держит за ручку чемодана, будто не решается его отпустить. Будто это не просто сумка с вещами, а символ его места в моей жизни. Или, может, он ещё не понял, что его там больше нет.

Я встаю. Медленно. Мышцы затекли от долгого сидения на полу, но я не обращаю внимания. Слезы высохли. Внутри - пусто и холодно.

Подхожу к шкафу. Открываю дверцу, с левой стороны висят его рубашки. Аккуратно висят, почти как выстроенные в шеренгу. Одна из них - серая, с тонкой полоской. Он любит ее носить, говорит, что она придаёт ему уверенности. Снимаю ее с вешалки, небрежно складываю и бросаю в чемодан.

Он молчит. Смотрит. Не двигается.

Я беру следующую, синяя с длинным рукавом. Его любимую. Ту, в которой он ходит подписывать договора, ту, в которой я его целовала, обнимала, говорила, что он у меня самый лучший. Я бросаю ее в чемодан сверху.

Вообще, Георгий очень суеверный, у него на каждый чих есть определенная одежда.

Гошка подходит ближе, на лице интерес и удивление. Видимо, он рассчитывал, что я буду валяться вся в слезах и соплях, проклинать свою женскую долю. Ага, обойдется, так

здоровья не хватит, каждого такого самородка оплакивать.

- Ты что делаешь? - наконец спрашивает он. - Это же мои вещи.

- Ты же мужик, который мне долго рассказывал, что для тебя честь - это так важно, - говорю я не останавливаясь. - Вот ты ее и потерял. Предал. Значит, ты уходишь, все по-честному. Меня вот нигде не ждут, ну вот нет у меня прикормленного места, а у тебя есть, так почему я должна ухудшать свои жилищные условия? У меня таких планов не было.

Он делает шаг вперед. Смотрит на меня, как будто пытается понять, серьезно я или это истерика, которую можно переждать. Но в моих глазах ничего нет. Ни слез. Ни боли. Только решимость.

- Алена, ты несерьезно, - кажется, он хочет ко мне подойти, но не может понять с какой стороны.

- Я никогда не была такой серьезной, как сейчас, - говорю я, беру его ремень, сворачиваю и кладу в боковой карман чемодана.

Он смеется. Резко. Горько. Как будто пытается отмахнуться от реальности.

- Оказывается, моя Аленка - меркантильная сучка, решила хорошую квартирку к рукам прибрать, - он смотрит на меня, как на сумасшедшую.

Я не злюсь. Не плачу. Просто смотрю на него. Холодно. Словно он уже не мужчина, с которым я делила постель, а

незнакомец, который вломился в мою жизнь и все разрушил.

- Это моральная компенсация, Георгий, - говорю я. - За предательство. За измену. За то, что теперь мне надо идти сдавать анализы на всякие гадости. Судя по тому, как твоя любовница общалась, ты взял ее где-то на панели. Или в отеле, где все дешевле.

Он морщится. Не от слов, от тона. Я говорю спокойно. Слишком спокойно. Как будто уже все решила. И его злость, и его смех, и его обвинения - все это не имеет значения.

- Ты так говоришь, будто ты святая, - говорит он. - А сама все это время сидела дома, как пай-девочка?

- Я не святая, - отвечаю я. - Но я не ложилась в постель с другим мужчиной, когда мы женаты. Я не обманывала тебя. Не врала, что устала, чтобы ты не заметил, что мне неинтересно.

Он молчит.

Я застегиваю чемодан. Беру его за ручку. Тяну за собой. К двери.

- Ты не можешь просто так выставить меня, - говорит он. - Это и мой дом.

Я уже на пороге. Чемодан тяжёлый, но я не останавливаюсь. Он идет следом. Молча. Пока не вспыхивает. Ждет, когда я открою дверь, и весь его нехитрый скарб полетит по ступенькам.

Поворачиваю ключ в замке.

- Ты серьёзно думаешь, что я просто иду и всё тебе остав-

лю? - его голос звучит резко, почти как удар. - Это не твой дом, Алена. Это наш дом. Мы его покупали вместе.

- Не говори мы, - резко бросаю я, не оборачиваясь. - Я делала ремонт. Я выбирала обои. Я писала заявления в управлялку. Я вытирала следы от твоей пивной бутылки с журнального столика. Ты даже не помнишь, когда в последний раз убирался в ванной.

- Да, никогда я не убирался в ванной, я зарабатываю деньги!

- И я тоже, если ты забыл, то до твоего появления в моей жизни, я прекрасно себя обеспечивала, ты меня не под мостом и не у мусорного контейнера нашел!

- Ален, что ты хочешь? Ты хочешь, чтобы я признал вину? - спрашивает он. По голосу понимаю, что он скривился, оттого, что этот разговор его унижает. - Что ж, я виноват. Я ошибся. Но это не значит, что ты можешь просто выставить меня из собственной квартиры.

- Это не твоя квартира, Георгий, - говорю я, наконец поворачиваясь к нему. - Это не твой дом. Ты его предал. Ты предал меня. Ты предал все, что между нами было. И теперь ты хочешь спорить о праве жить здесь?

- Я не хочу спорить! - он повышает голос. - Я хочу, чтобы ты не делала глупостей. Мы могли бы поговорить. Обсудить. Решить всё по-взрослому.

- По-взрослому? - я смеюсь, но это не смех. Это сухой выдох. - Ты считаешь, что нормально - спать с другой женщи-

ной, а потом приходить домой и обсуждать все по-взрослому?

- Я не говорю, что это нормально! - он бьет ладонью по стене. - Но ты не можешь просто все разрушить.

Георгий

Стою, как дурак в коридоре, чувствую себя нашкодившим котом или первоклассником с двойкой в дневнике.

Алена подпирает стену, руки в боки, тоже мне баба-богатырь на войну с изменником вышла.

Не могу поверить, что это происходит на самом деле, что она действительно думает, будто может просто выставить меня из собственной квартиры? Наивная верит, что все, что мы вместе строили, можно выбросить за один вечер. И ждет, что я должен смиренно взять свои вещи и свалить подальше?

- А если я не уйду, то что будет? - Я не просто зол, я в ярости, мой план рушится на глазах. Мне казалось, что Аленка должна была все осмыслить, негатив слить и встретить меня с распростертыми объятиями. Ну, может, условия поставить, как там у женщин принято: новый браслетик, колечко или путешествие куда-нибудь поближе к морю. Но нет, это у нормальных баб так, а эта принципиальная.

Аленка же любит мелодрамы, а там всегда так: муж изменил, потом покаялся и все, снова любовь до гроба. Что же сама заветам любимых героинь не следует?

Я смотрю на нее. В этот момент, несмотря на все, я чувствую внутри толчок желания. Она такая непокорная, взгляд острый, от злости закусывает губу. Это не может не возбуж-

дать.

Может, этой перчинки мне и не хватало, оказывается, нормальная жизнь - это так скучно.

- Значит, будем "добрыми" соседями. Станем плевать друг другу в кастрюлю и сыпать соль в чайник, - грызается, в глазах молнии. - А будешь мне мешать, нашим лучшим другом станет участковый.

- Что же ты раньше с такой строптивой не была, - Чувствую, как внутри поднимается раздражение, смешанное с желанием, которое я не ждал.

Все мужское оживает, может, попробовать соблазнить ее прямо сейчас: прижать к стене, показать, кто здесь главный.

Делаю шаг к ней. Медленно. Она не отступает, только сильнее сжимает руки. Смотрит мне в глаза, как будто боится потерять контроль.

- Может, хватит драмы? - говорю я, почти шепотом, гипнотизирую взглядом. - Может, просто поговорим, вспомним, как было раньше. Может, разожем нашу искру страсти заново, ведь хороший левак укрепляет брак.

- Не смей ко мне прикасаться, - в голосе чувствуется раздражение и злость.

Но я не слушаю. Я делаю еще шаг, протягиваю руку. Хочу коснуться ее лица. На опыте знаю, что все женщины сначала ломаются, а потом любят, когда с ними обращаются по жесточе, и в этот момент я понимаю, что просчитался.

Она хватает с комода лягушку - фарфоровую, тяжелую,

с резной подставкой. Пару лет назад припер ее из путешествия, если бы я тогда знал, что эта китайская хрень мне такой секс испортит, выбросил бы еще в аэропорту.

Аленка поднимает ее перед собой, как щит, как последнее предупреждение.

- Сделай еще шаг, - говорит она, - и я ударю.

Я замираю. Смотрю на нее, потом на эту уродливую жабу, потом снова на жену. А ведь она не шутит!

Отхожу, мои плечи напряжены, спина будто наливается тяжестью. Я чувствую, как внутри все сжимается от раздражения и усталости.

- Ты от своей ревности и принципиальности с ума сошла, - говорю я, смотря на нее, как на чужую. - Знаешь, сколько женщин хотели бы оказаться на твоём месте? У тебя дом, деньги, муж, который зарабатывает, а ты разводишь тут драму из-за какой-то ерунды.

Она не отвечает.

Я пожимаю плечами. Достая телефон. Выхожу в коридор. Пальцы нажимают на имя, которое знаю наизусть. Звонок. Три гудка. Она отвечает. Голос сонный, но сразу теплеет.

- Танюша, привет, - говорю я, опираясь о стену, отслеживаю реакцию жены. - Ты чем занята?

- Гош, ты уже дома? - спрашивает она. - Я думала, ты уже не позвонишь, или жена из дома выгнала?

- Дома уже не до меня. Слышишь, я сейчас к тебе заскочу, могу остаться с ночевкой, - нарочито говорю громко, пусть

знает, что я нарасхват.

- Да ты что? - Танькин голос оживает. - Я тебя всегда пу-
щу, я тебе всегда рада. Жена выперла, ну и дура! Только есть
у меня почти нечего. Я не ждала тебя, сам понимаешь.

- Не проблема, - говорю я, достаю кошелек из кармана,
проверяю, есть ли наличные.

- Гошенька, я же могу тебе быстро список набросать, а ты
заедешь и сразу купишь все. Или сам выбери из тех продук-
тов, которые ты любишь.

Ну вот только этого мне не хватало, еще я с тележкой по
супермаркету не лазил. Вот почему одна женщина не может
в себе все совмещать: если умная, заботливая, то секс, как
вареный кабачок - пресный и не о чем. А если глуповата,
быдловата и на бабле повернутая, то на все готова, гибкая и
выносливая.

- Давай без этого, организуй доставку, - только бытовых
проблем мне и не хватало. Если бы я знал, что такая будет
реакция, позвонил бы, когда вышел из квартиры. Аленка сто
процентов слышала разговор, неприятненько.

Стою, как дурак. Когда в голове прокручивал, что будет,
если жена меня подловить, то все выходило складно, а тут
какая-то ерунда.

- Ладно, сегодня живи тут, я тебе по-джентльменски усту-
паю. Но запомни, так всю жизнь не будет: может, я приеду со
своей новой девушкой. Как ты это переживешь? - чтобы еще
такого сказать, чтобы ей было больно, чтобы она поняла, что

меня надо остановить, а там как-нибудь все утрясется.

- Гош, я вот не могу понять, - Аленка смотрит на меня с презрением. - Ты всегда был таким идиотом, а я от любви этого не замечала. Или ты от своей любимой переопылился?

Алена

Я стою у двери, прислонившись к откосу, Гошка стоит в коридоре и говорит по телефону. Голос низкий, почти ласковый. Тот самый тон, который раньше был только для меня. Я слышу каждое слово, говорит, что скоро приедет. И тогда она говорит, что есть у нее почти нечего но она может скинуть список продуктов, если что-то нужно купить.

И в этот момент во мне что-то щелкает. Не плачу. Не кричу. Начинаю смеяться. Сначала тихо. Потом громче. Это не радость. Это смех сквозь боль. Так ему и надо. Как быстро возмездие занесло над ним молот.

Все это время он жил на готовом. У меня всегда было чисто, вкусно, уютно. Я варила ему кофе с утра, гладила рубашки, встречала с работы. Даже когда болела, когда хотела просто лечь и исчезнуть. Я делала. Потому что любила. Потому что считала, так и должно быть.

Мама у меня очень современный человек, но еще с детства она мне привила, что женщина обязана быть хорошей хозяйкой, не для кого-то, для себя. А я от большой любви распространила это правило на свое окружение.

А теперь пусть получает новую жизнь! Где его не ждут, где никто не спросит, как прошел день. Где вместо ужина - список покупок. Где его, как кочан капусты, будут потихонь-

ку раздевать - сначала от денег, потом от самоуверенности, потом от иллюзий, что он - подарок судьбы.

Он оборачивается. Замечает, что я смеюсь и потираю руки от удовольствия понять это все, до того как сам Гошка это осознает.

- Что? - спрашивает он. - У тебя сейчас на адреналине такое хорошее настроение?

- Да, - говорю я. - Просто представляю, как ты будешь бегать с сумками по магазинам, пока твоя новая принцесса будет в халатике ждать, когда ты все разогреешь. Как ты будешь объяснять ей, почему не можешь уйти на выходные и поселить ее в твоих хоромашках, потому что здесь живет твоя бывшая, которая, между прочим, владеет половиной квартиры.

Он смотрит на меня, как на умалишенную.

- Ты же знаешь, - говорит он, - женщина, которая любит, так не поступает.

- Ага, - отвечаю я. - Женщина, которая любит, терпит. Молчит. Прощает. Живет с подлецом. Готовит ему ужины, когда он приходит после ночи с другой. Лечит его простуду, когда он притворяется, что ничего не было. Да, я знаю, какой должна быть настоящая женщина. Такая у тебя картинка в голове?

Я делаю паузу. Смотрю ему в глаза.

- Это ты сейчас бахвалишься, а завтра будешь умолять вернуться.

- Гош, глаза раскрой. А зачем мне жить с подлецом, ради чего? У нас нет детей. Нет совместных животных. Нет ипотеки, которую нужно выплачивать вместе. Нет общего бизнеса. Нет даже старого дивана, который жалко выбрасывать. Мы просто двое людей, которые решили, что могут друг друга любить.

- Конечно, ты же привыкла держать лицо в любой ситуации. Всегда на позитиве Алена Смирницкая, - последняя фраза звучит как слоган.

Звучит, как комплимент. Я из тех людей, у которых стакан всегда наполовину полон.

- Знаешь, - говорю я, - даже если меня совсем накатит, я не стану устраивать истерики. Я тихонько поплачу, может, даже побьюсь головой о стенку. Поплачу ещё. Выпью чаю. И продолжу жить, потому что я не сломаюсь, ну во всяком случае из-за тебя. Не обижайся, но мужское предательство - не повод разрушать свой мир. А вот твоя новая девушка она думает, что урвала большой кусок фирменного пирога. Но это не пирог. Это обгоревший край. И скоро она поймет, что получила не победу, а проблему.

Он не отвечает. Просто берет чемодан. Чертыхаясь, открывает дверь. Выходит.

Я закрываю, впервые пользуюсь всеми тремя замками, как будто они могут спасти мое равновесие. Подхожу к окну. Смотрю, как его машина выезжает со двора, исчезает за поворотом.

Набираю маме.

- Дочь, ты время видела? - недовольно бурчит.

- Аленчик? - сразу узнает она. - Ой, ты что-то поздно. Все хорошо?

- Да, - говорю я. - Все даже лучше, чем было.

Она молчит секунду.

- Такие фразы обычно означают, что муж ушел к другой.

Я смеюсь. Впервые сегодня, искренне.

- Точнее, я выставила его. Он был у меня дома минут сорок назад, собирался уйти к ней, пока я не сказала, что это он должен уходить, а не я.

- Оу, милая. Этот кусок дерьма накосячил, я так и думала.

Кость! - мама кричит своему мужу. Не поворачивается язык назвать его отчимом. Она начала с ним встречаться, когда я уже была замужем. - Я так и думала, что пока ты его ждешь, он шныряет по чужим юбкам. Нет, милая, ты тоже имеешь право выбирать, с кем делить постель, а с кем - только воспоминания.

- А если я сейчас заплачу? - спрашиваю я тихо, в носу уже щиплет.

- Заплачь, - говорит она. - Только потом возьми веник и вымети из головы всю эту чушь, что ты что-то сделала не так. Ты была честной, ты любила. А он - нет. И точка. А еще купи себе цветок, - говорит она напоследок. - Большой. Кактус или орхидею, чтобы каждый день видеть: кто-то растет, даже если вокруг пусто.

- Ладно, - улыбаюсь я. - Обещаю.

Кладу трубку. Сажу. Смотрю на телефон. На экране - фотография нас с Георгием с новогодней вечеринки. Мы улыбаемся. Я - с надеждой, он - с легкой скукой в глазах. Удаляю фото.

Потом пишу в блокноте новую строку: Купить орхидею и назвать ее Свобода.

Таня

Сердце бьется, как будто я снова восемнадцать, хотя мне уже двадцать четыре. Я всегда думала, что в этом возрасте у меня уже будет муж, большой дом и машина с раздвижной крышей. А пока только кредитка, которая худеет с каждым днем. Я уже поняла, что красивая жизнь - это не то, что каждой выдается по факту рождения, а то, за что придется повоевать.

Я сижу на краю кровати, телефон в руке, и перечитываю его сообщение: Через сорок минут.

Аж сердце заходится от счастья. Сегодня Гошка ночует у меня, значит, мне надо показать, что я лучше, чем его облезлая кошка. Иду в кухню, немного красного перца на губы, печет, но эффект не хуже, чем от салонного увеличения.

Подхожу к зеркалу. Уставшая, кожа на плече шелушится, лак с ногтей облущился. Блин, я не могу так перед своим шансом опростоволоситься. Надо держать марку!

Бегу в ванную. Проверяю, все ли на месте: бритва - есть, пена - есть, крем после депиляции - почти кончился, но хватит. Живот втягиваю. Грудь приподнимаю. Стою так, как будто Гошка уже смотрит на меня. Быстро привожу себя в порядок.

Потом бегу на кухню. Открываю холодильник. Пусто. Полка - пустая. Вторая - пустая. В дверце - йогурт, срок годности которого истёк вчера, и кетчуп. Вялый салат, два яйца и травы от кашля. Я закрываю дверцу. Гошка просил список. Сначала пишу просто: хлеб, молоко, яйца. Потом добавляю: сыр, ветчина, оливки, вино. Потом - уже с вызовом: икра, шампанское, гель для стирки.

Я смотрю на эту кухню. На холодильник, который шумит, как будто внутри кто-то дышит. На стол, за которым я ела вчерашние макароны одна. Надеюсь, Гошка не сбежит от моего скромного жилья. Хотя если все правильно в свою сторону повернуть, он может и квартиру получше снять, а то все по гостиницам, как низшие слои.

Моя квартира - однокомнатная хрущевка на пятом этаже без лифта. Кухня - шесть квадратных метров. Старый линолеум, потрескавшийся у мойки. Шкафы желтоватые, с облупившимися ручками. На стене магнит с надписью Счастье рядом, который я купила в супермаркете почти за сто рублей. Рядом висит календарь с котятами, где я зачеркнула все дни до зарплаты. На окне пластиковая подставка для цветов, но цветов нет, только пустые горшки. И один с сухим кактусом, который я забыла поливать.

Я возвращаюсь в ванную. Стою перед зеркалом. Включаю свет. Прямо над зеркалом - лампочки, как в гримерке. Я их повесила специально. Они делают кожу светлее, а тени под глазами незаметнее.

Смотрю на себя. Длинные темные волосы — сегодня уложены в легкие волны. Макияж аккуратный: тени чуть темнее, чем обычно, стрелки ровные, губы теперь припухшие, немного влажного блеска. Белье черное, кружевное, с лифом, который приподнимает грудь так, как природа не смогла. Я знаю, что сбоку виден шов от корректирующего белья. Закрою халатом.

Живот втягиваю. Я тренируюсь перед зеркалом: как стоять, как поворачиваться, как смотреть через плечо, чтобы второй подбородок не появлялся.

- Ну что, - шепчу я себе, - ты готова?

Я знаю, что он любит, когда женщина выглядит ухоженной, когда в доме чисто, на столе - не бутерброды, а ужин. Когда она смотрит на него, как на спасителя.

Я беру телефон. Звоню Мариночке. Она наставница в женском клубе «Судьба в твоих руках». У нее три брака, две виллы и голос, как у аудиогиды из спа-салона.

- Мариночка, он едет, - говорю я, сама не верю своему счастью. - Что делать?

- Девочка моя, - говорит она, - главное - это благодарность. Он должен чувствовать, что ты ценишь его: каждое движение, каждое слово, каждый подарок. Скажи, как тебе хорошо с ним. Как ты не была счастлива до него. И - очень важно - пусть он сам решает, сколько тебе дать. Но намекни. Желательно, в эквиваленте денег. - А если он не даст? - спрашиваю я.

- Тогда ты не умеешь быть благодарной, - отвечает она. -
Поверь, мужчина чувствует, когда его любят. А когда любят,
он остается всегда.

Я кладу трубку. Вздыхаю. Мариночка говорит: любовь -
это энергия. А я знаю: любовь - это депиляция, маникюр,
белье за пять тысяч и кредитка, по которой уже почти девя-
носто тысяч долга.

Я захожу в приложение. Смотрю на баланс. Я нажимаю
перевести с кредитки - полторы тысячи рублей Мариночки,
чтобы она мою внутреннюю энергию подняла, чтобы с Геор-
гием все получилось.

Потом пишу Гошке в чат: И гель для стирки, пожалуйста,
тот, что с ароматом весеннего луга. Я люблю, когда всё пах-
нет свежестью.

Через сорок минут - звонок в дверь.

Я смотрю в глазок. Он в пальто, с пакетами, с таким ви-
дом, будто не приехал к любовнице, а возвращается домой.

Я бросаю телефон на диван. Проверяю лицо в зеркале, жи-
вот втянут, спина прямая.

Открываю дверь. Улыбаюсь. Шепчу:

- Привет. Я так рада, что ты приехал.

Он заходит, ставит пакеты. Оглядывается. Я вижу, как его
взгляд скользит по комнате. По кровати. По мне.

- У тебя тут уютно, - говорит он.

Я улыбаюсь. Не отвечаю. Просто беру пакеты, начинаю
раскладывать: сыр, ветчина, оливки, икра, шампанское.

И гель для стирки с ароматом весеннего луга. В самом низу в пакете чек на семь тысяч, ну пипец, я бы неделю на них нормально прожила, а мы сейчас все съедим.

Я смотрю на него. Он устал, но рядом со мной - будто вспоминает, что он мужчина. Я сделаю все, чтобы он чувствовал себя желанным. Ага, зашел и не поцеловал, значит, сбежать хочет. Не пущу!

- Две минуты, я сейчас быстро приготовлю все.

- Не суетись, - кладет руку мне на ягодицу. - Давай лучше выпьем.

Он ловко открывает бутылку. Я прищуриваюсь, закрываю уши руками, выгляжу, как идиотка, но не могу по-другому, боюсь.

Пробка вылетает с характерным звуком. Подставляю бокал, Гоша наливает немного.

Поднимаю бокал.

- За нас?

Он смотрит на меня, отвечает не сразу.

- За нас, - говорит.

И я верю, хотя знаю: это может быть на один вечер.

Георгий

Просыпаюсь оттого, что свет режет глаза. Не мягкий, рассеянный, как у нас дома, а резкий, желтый, будто кто-то включил фонарь прямо в лицо. Я щурюсь. Потолок низкий. В углу трещина, похожая на молнию. На стене магнит с надписью Счастье рядом.

Смотрю на него, да уж, только не хватало сейчас стенгазету с визуализаций делать.

Сажусь, кровать скрипит. Матрас проваливается в центре, как будто здесь уже десять лет кто-то спит в одной и той же позе.

Осматриваюсь, комната маленькая. Кровать у стены. Тумбочка шаткая, на ней телефон, тубик с кремом и чашка. На полу коврик, который явно не стирали с момента покупки. В воздухе что-то сладковатое, приторное, похоже на дешевый освежитель воздуха.

Я встаю. Хочу в душ. Хочу кофе, важно, чтобы утро всегда было идеально. Даже в командировках у меня всегда хорошая гостиница, завтрак - шведский стол, кофеварка в номере. Каждая мелочь может меня вывести в такое состояние, что весь рабочий день насмарку. В офисе секретарь уже по взгляду знает, что надо быстро исполнять мое желание, а не

то разгон получит весь офис.

- Котик, ты уже проснулся. Я тебе сейчас кофе приготовлю. Я видела, ты зерно купил вчера. Его дополнительно надо жарить?

- Лучше не трогай, я сам сейчас все сделаю.

Все, можно ложиться спать, раз день не задался.

Захожу на кухню. Таня из коробки достает дешевую кофеварку.

- Я чай люблю, а с кофе не подружилась, - улыбается мило.

Кажется, Таня в гостинице мне больше нравилась.

- А зачем покупала, - верчу в руках эту неизвестную конструкцию.

- Я ее не покупала, выиграла. Было открытие торгового центра, там чеки в коробочку кидали, вот и я бросила. И выиграла, в лотерею ни разу, а тут подвезло. Хорошая?

Вот что ответить девушке, которая считает: раз бесплатно, значит, крутое?

Нажимаю кнопку, "машина" пыхтит, как бабушка на лестнице. Из носика течет коричневая струйка, пахнувшая ржавчиной. Я пробую. Горько, но на вкус водянисто. Лучше по дороге попить.

- Гошик, все готово, - Таня протягивает чашку, которую я уже отставил к мойке.

- Что? - не могу понять, как она так быстро успела переделать напиток.

- Я попробовала кофе, горький, вот сгущенки ливанула,

теперь сладко, вкусно, - вижу, как ей важно мне угодить.

- Спасибо, но я пью просто черный, - целую Таню в висок.

Иду в ванную, освещение ужасное, лицо с таким становится как у туберкулезника, больного циррозом. Хочу побриться, но Алёнка, кажется, не положила мою электробритву. Открываю шкафчик, несколько одноразовых станков, судя по стертой бальзамной ленте, ими уже пользовались. Нет пены. Нет одеколона. Только ее крем, гель для лица с алоэ и что-то в розовой упаковке с надписью "Для сияния кожи".

- Серьезно? - бросаю я, вытирая лицо водой. - К такому меня жизнь не готовила.

Включаю душ. Вода идет тонкой струйкой. Сначала холодная, потом - кипяток, снова холодная. Матерюсь. Стою под ней, температура воды выравнивается, теплая, ближе к горячей.

Открываю флакон с гелем для душа. Пахнет розами. Или жасмином. Или чем-то, что пахнет дешевой гостиницей.

- Ты не могла купить нормальный гель? - говорю, не оборачиваясь.

- А что не так? - слышу ее голос через дверь - Он же приятный.

- Приятный? - Я резко поворачиваюсь. - Он пахнет, как освежитель воздуха в туалете, я не могу им пахнуть. Я мужик, серьезный мужик, а не феечка.

- Я не знала

В этот момент дверь ванной приоткрывается. Она захо-

дит. Без стеснения, в черном белье, с мочалкой в руке.

- Давай, я помою спинку, - в секунду из девушки превращается в похотливую кошечку.

Я вздрагиваю от ощущения, что я - не мужчина, которого любят, а клиент, которому надо угодить.

- Выходи, - говорю я.

- Что? - Таня обиженно смотрит на меня, улыбка превращается в куриную жопку

- Я сказал, выходи. Я моюсь один.

Она выходит молча. Закрывает дверь. Я слышу, как она идет по комнате, как что-то роняет, как вздыхает.

Я стою под душем. Смыкаю глаза. В голове - дом, где белые полотенца. Холодильник, полный еды, кофе по утрам. Тишина. Порядок, ненавязчивые ароматы белья. Никогда не думал, что этим всем надо заниматься, думал, просто все идеально встроилось в нашу жизнь. А тут тогда почему иначе?

Я выхожу. Обтираюсь. Полотенце жесткое, пахнет стиральным порошком с ароматом весеннего луга. Я смотрю на себя в зеркало. Волосы мокрые, глаза уставшие, щетина неровная.

Захожу в спальню, Таня закуталась в плед. Волосы растрепаны, глаза красные, кажется, не от злости, а от обиды и стыда.

- Я тебя сильно разочаровала? - едва слышно говорит она.

- Я не хотела, чтобы было так. Знаю, что у меня не идеально:

квартира старая, кофе не тот, гель цветочный. Понимаю, вижу, как ты смотришь на мой дом. Но у меня сейчас вот такие условия. Я живу одна, то, что ты мне даешь, я откладываю на учебу. Мне стыдно за это, но не могла тебя выставить. Я спасла тебя ценой своей репутации.

Я смотрю на нее. Вижу не тело, не белье, не макияж. Вижу молодую женщину, уже сильно уставшую.

- Не хочу тебя унижать. Просто мне тяжело. Все изменилось за одну ночь.

- А ты думал, что для меня легко? - спрашивает она. - Я небогатая, не из хорошей семьи. У меня нет машины, но у меня есть квартира, метраж хороший: пятьдесят шесть квадратных. Если сделать ремонт, то будет уютно. Я подстроюсь под твои привычки, под твой график, научусь варить правильный кофе. Я готова все изменить, только бы ты остался.

Она смотрит на меня с надеждой.

- Я подумаю, - говорю я.- Правда. Мне надо на работу. Думаю, проще снять квартиру.

Алена

- Аленушка, ты там как? - мама звонит с утра.

- Кажется, приступ мигрени меня настиг. Голова каменная, глазами шевелить больно, сейчас в горячую воду и разминку для шеи.

Ощущение, что мама перестает шевелиться, прислушивается к каждому моему слову.

- С тобой точно все нормально? Костя со смены придет, и я его заставлю приехать, - мама тараторит, в голосе вина. - У ребенка жизнь рушится, а я дома сижу.

- Ну, допустим, не рушится. Я немного вечером погрустила, но спала хорошо. А ко мне ехать сегодня не надо, Костя всю ночь у станка стоял, а теперь на полдня за руль, пожалей его. И я буду дергаться, что он уснет, не дай Бог, где-нибудь на светофоре. Мам, давай, я свои дела доделаю и сама к вам приеду. Но не сегодня.

В голове все болит, каждый сантиметр, не могу даже вбок нормально повернуться. Открываю ежедневник, все, что планировала на сегодня, плавно переезжает на завтра. Иду в душ. Горячий тропический дождь расслабляет мышцы. Боль немного отступает, бледной молью ползу в кровать. Скидываю на пол Гошкину подушку, нечего со мной рядом лежать.

Шторы завесила, включила кондиционер, лежу, стараюсь ни о чем не думать.

Телефон дрожит на краю стола, как будто не хочет нарушать тишину, но все же загорается - имя на экране: Мира.

Я смотрю на него несколько секунд, прежде чем взять. В комнате тихо, только тикают часы на кухне, и где-то вдалеке шумит лифт. Я нажимаю принять.

- Привет, - говорю я, не повышая голоса.

- Алэн, привет, - начинает Мира, голос у нее не такой, как всегда. Обычно она громкая, легкая, шутливая, а сейчас как будто боится меня потревожить, как будто ступает по тонкому льду. Ты ты как?

- Нормально, - отвечаю я. - А ты почему так спрашиваешь? Мир, только не надо вокруг до около.

Терпеть не могу бесполезные разговоры, есть что сказать - давай, а если нет, то и нечего звонить. Мы еще сто лет назад обозначили эти правила.

- Да так - она делает паузу. Слышно, как она вздыхает. - Я тут в центре была. За кофе зашла. И видела Гошку.

Я не удивляюсь. Не напрягаюсь. Просто жду, что будет дальше.

- Ну и? - спрашиваю я.

- Он был не один, - говорит она. - С девушкой, она держала его под руку, как мне показалось, флиртвала. А он был не против. Выглядели близко.

- Как она выглядела? - спрашиваю я.

- Высокая. Темные волосы собраны в хвост. Ну такая, ничем не приметная. Они зашли в "Кофейню на Арбате". Я не подошла. Не хотела

Мира - мой человек, даже если новая любовь Гошки - самая красивая женщина в мире, она в этом никогда не признается.

- Ты правильно сделала, - перебиваю, если бы не мигрень, может, я бы подобрала слова, но сейчас нет на это сил. - Я уже знаю.

- Что? - она замолкает. - Ты знаешь?

- Да, - говорю я. - Он мне сам показал. По видеосвязи. Случайно. Включил камеру. Я увидела: его, ее, постель. Все.

- Боже - шепчет подруга. - Как ты? Приехать?

- Не надо. Да, я нормально: не плачу, - отвечаю я. - Не кричу. Не рву волосы. У меня внутри пусто. Как будто я долго жила в доме, который постепенно рушился, а я закрывала глаза и делала вид, что стены крепкие. А теперь он обрушился, и я поняла, что уже давно стояла на улице. Просто не осознавала. И я правда не поняла, когда все наперекосяк пошло, и сейчас не понимаю.

- Он вернется, - Мира на минуту замолкает. - Такие всегда возвращаются, когда поймут, что на «дне» не так уютно, как казалось.

- Может быть, - говорю я. - Но мне его обратно уже не надо. Он не просто изменил, он перестал любить. А я я его отпустила, потому что поняла: любовь, которую нужно дер-

жать силой, - это уже не любовь. Это тюрьма, и я больше не хочу быть тюремщицей.

- Ты сильная, - подруга подбирает слова, чтобы не ранить меня. Приятно. - Серьезно. Я бы ревела уже третий день, а ты

- Я не сильная, - перебиваю ее. - Просто не стала притворяться, отогнала от себя мысли: если я буду терпеть, то все наладится, если я буду добрее, красивее, тише - он снова начнет меня замечать. Но он не перестал меня замечать. Он просто перестал видеть во мне женщину, иначе я не знаю, как это объяснить. Я бы как-то могла себе объяснить, если бы это был корпоратив, где все пьяные, поддались импульсу. Не простила, но хотя как-то оправдала, но сейчас нет.

- Мужики такие, - вздыхает Мира. - Я тут исследования психолога смотрела, так вот мужчины считают, что если секс с другой был в презервативе, то это и не измена вовсе. А еще им кажется, что уют - это воздух, который висит в квартире сам собой. А когда оказываются в реальности, где надо самому включать свет, стирать носки и спрашивать, как прошел день, они пугаются. И бегут к той, кто пока не требует. А потом понимают, что там тоже не рай, там просто другой ад.

- И вот тогда, - говорю я, - они вспоминают, что у них была жена, которая все делала, ничего не просила и не скандалила.

- Знаешь, как бы громко это сейчас ни звучало, Алэн, ну ты же офигенная! Умная, красивая, суперская, мне кажется, он просто устал тебе соответствовать. А когда женщина попроще, то и самому можно чуть снизить планку. А ты что

будешь делать, если припрется? - спрашивает она.

- Закрою дверь, - отвечаю я. - Не потому, что ненавижу, просто не хочу быть вокзалом ожидания. Ну вернется он ко мне, я начну его подозревать, нервничать, с ума сходить, он на этом фоне со мной чуть волнения переждет и к "новой станции" отправится, новую любовь искать. Не, это не для меня, слишком нервно, грязно. Мы еще перед свадьбой договорились, что разлюбил - не пудришь мозги, не шарись по гостиницам, а говоришь в глаза, и мирно расходимся. Половая чистоплотность для меня очень важна, еще я микрофлору потом, после неизвестных баб не лечила.

- Ох, - Мира громко вздыхает. - Это хорошо, если только ее, а не чего похуже.

Мы еще немного говорим. О пироге, о книге, о том, что я, может, завтра куплю орхидею. Подруга обещает прислать фото с надписью Ты не одна. Я улыбаюсь, и головная боль как будто становится терпимее.

Кладу телефон. Иду на кухню. Наливаю себе чай горячий, черный, бе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.